

ИЗ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

С.В. Пронкин

ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ВВЕДЕНИЯ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена конституционному проекту, составленному М.М. Сперанским в 1809 г. Автор подводит некоторые итоги его изучения в управленческой науке. Главное внимание обращено на политико-юридический смысл проекта.

Ключевые слова: Сперанский М.М., «Введение к уложению государственных законов», конституционный проект, государственно-административные преобразования Александра I, конституционное право.

The article is devoted to the constitutional project written by M. Speransky in 1809. The author makes some conclusions about studying of this problem in Russian historiography and pays attention to the political problems of this project.

Key words: M. Speransky, «Introduction to the State laws code», constitutional project, state administrative changes by Aleksandr I, constitutional law.

В 2009 г. исполняется двести лет со времени написания М.М. Сперанским «Введения к уложению государственных законов» (далее — «Введение») — самого известного из конституционных проектов, появившихся в истории России¹. За это время он неоднократно становился предметом научных исследований, в которых давались политические и юридические оценки данного документа, вскрывались условия его появления, теоретические и юридические источники, причины, помешавшие реализации важнейших положений «Введения», и прочие, связанные с ним обстоятельства. Целью настоящей статьи является подведение некоторых итогов изучения «Введения» при-

Пронкин Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, pronkinsv@mail.ru

¹ Проект имеет и второе название — «План государственного преобразования» (далее — «План»).

менительно к вопросу о его политико-юридическом смысле, характере предложенных преобразований.

Ясный и категорический ответ на данный вопрос затруднен из-за самого характера проекта. Детальные обстоятельства работы над ним не выяснены, историки вынуждены исходить из версии, изложенной Сперанским в оправдательном «Пермском письме», направленном им Александру I из ссылки. В нем Сперанский утверждал, что «Введение» являлось оформлением и систематизацией тех политических идей, которые сообщал ему император во время их многочисленных доверительных бесед. Вопрос о роли каждого из «соавторов» в разработке «Плана» является предметом научной дискуссии, но, помня об адресате письма, Сперанский не мог сильно исказить роль императора в его составлении. Однако известно, что политические взгляды Александра I, несмотря на заявляемые им с юности конституционные устремления, не отличались устойчивостью и определенностью, он постоянно метался между различными политическими принципами, часто противоположными. Эта неопределенность не могла не проявиться в содержании «Плана». Историки сравнительно поздно идентифицировали его окончательный вариант, находившиеся же в их распоряжении предварительные редакции «Введения» несколько отличались по своему политико-юридическому содержанию. Даже в итоговой редакции Сперанский предложил императору выбрать одно из двух возможных государственных устройств: «Первое состоит в том, чтоб облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия. Второе устройство состоит в том, чтобы не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самим делом»². Неопределенно в проекте указана и роль Государственной думы в законодательстве. Она должна была заниматься «уважением» законов, что одни исследователи понимают как их обсуждение, другие — принятие. Наконец, на оценку историками «Плана» оказывало влияние несоответствие выраженных в нем идей с теми, которые высказывались Сперанским ранее. Наиболее разительными эти перемены в оценке им возможности установ-

² Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 364. Сопутствующие рассуждения Сперанского по поводу данных систем позволяют предполагать, что его симпатии на стороне последней, т.е. действительного ограничения самодержавия, но категорически он этого не заявил.

ления в России конституционного строя кажутся при чтении «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803). Здесь Сперанский, казалось, убедительно доказал невозможность перехода России к истинной, т.е. конституционной монархии. «В настоящем порядке вещей мы не находим самых первых элементов, необходимо нужных к составлению монархического управления», — писал он, добавив, что указанные им препятствия в настоящее время — «неразрешимы и что одно время разрешить их может»³. Очевидно, что за шесть лет, отделявших данную записку от «Введения», эти «элементы» не могли появиться, а затруднения на пути к конституционному строю — быть преодолены⁴.

Эти обстоятельства, возможно, объясняют то странное впечатление, которое произвел «План» на В.О. Ключевского. Он подметил, что документ производит различное впечатление при поверхностном и более внимательном изучении. При первом чтении проект поражает своей смелостью, откровенностью и колоссальностью. Но, продолжал свой анализ историк, при более внимательном прочтении документа обнаруживаются его пестрые идейные источники и начала: политические идеалы XVIII в., преимущественно французские, и собственные идеи Сперанского, некоторые из них, полагал Ключевский, были умнее и глубже первых. Французская конституция, из которой были взяты иерархия Думы и общий строй высших учреждений и российская действительность, в следствие чего реформатору приходилось соотносить свои теоретические построения с существующими общественными отношениями. В итоге Сперанскому приходилось метаться между этими разнообразными началами, искусственно примиряя их⁵.

Проект Сперанского, разрабатывавшийся в обстановке строгой секретности, не сразу стал предметом серьезных научных исследований. Окружавшая его таинственность была связана с изначально принятым императором Александром Павловичем методом подготовки либеральных реформ, который был поддержан и его доверенным окружением. «Итак, — мысленно объяснялся с монархом в мае 1801 г. гр. П.А. Строганов, —

³ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 119—120.

⁴ Столь разительная перемена взглядов не может не поставить вопрос о степени искренности и самостоятельности Сперанского при составлении им записок, которые приходилось подстраивать под взгляды лица, для которого они предназначались.

⁵ См.: Ключевский В.О. Новая русская история. Литографированный курс. М., 1884. С. 466.

если я верно понял мысль вашего величества, можно установить следующее: реформа должна быть созданием государя и тех, которых он выберет своими сотрудниками, и никому постороннему не должно быть известно, что ваше величество взяли на себя почин такого дела... Предстоит двойная задача: с одной стороны, шадить умы от нежелательного предубеждения против реформы, с другой — понять настолько настроение общества, чтобы не возбудить недовольства напрасно. Это требует заседаний секретных...»⁶. Таким образом, тайная подготовка либеральных реформ объяснялась недоверием их инициаторов к обществу, опасением вызвать как неоправданные надежды, так и преждевременное сопротивление. Был и более прозаический мотив — ревнивое желание сохранить дело реформ в своих руках, не делиться с другими славой их подготовки и проведения.

Закрытость темы еще более усилилась при Николае I, который с неодобрением относился к либеральным проектам своего старшего брата. В подобной общественно-политической обстановке специальные научные исследования конституционного проекта 1809 г., естественно, не могли быть предприняты. В исторической литературе николаевской эпохи конституционные предприятия Александра I благонамеренно игнорировались. Так, в учебных курсах М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова о «Введении» не упоминалось вовсе⁷. Это умолчание вполне объяснимо той секретностью, которая продолжала окружать данный сюжет правительственной деятельности Александра I. Характерно другое: авторы проигнорировали конституционные акты Великого княжества Финляндского и Царства Польского, из которых первый продолжал формально действовать и в николаевскую эпоху! Д.М. Бантыш-Каменский в биографиях М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева также ничего не сообщил об их участии в подготовке конституционных проектов. Более того, в заслугу Новосильцеву ставилось, что он «уничтожил в покойном государе мысли, посеянные Лагарпом»⁸. Сама фигура Сперанского, обладавшего несомненными государственными заслугами, обласканного в конце своей бю-

⁶ Цит. по: Николай Михайлович // Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 1. С. 94—95.

⁷ См.: *Погодин М.П.* Начертания русской истории. М., 1837. С. 369, 376; *Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 в двух частях. Петрозаводск. 1997. С. 730, 794.

⁸ См.: *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей Русской земли. 1847. Ч. 2. С. 516; Ч. 3. С. 286.

рократической карьеры императором Николаем I, не игнорировалась, но воспринималась официально, его биография, в которой зияли заметные лакуны, строилась по стандартной схеме — бедный попovich, благодаря своим талантам и милостям монархов превратившийся в выдающегося государственного деятеля.

Но отрывочные сведения о «Введении» все-таки становились достоянием общественности. Об этом свидетельствовала и «Записка о древней и новой России»... Н.М. Карамзина, которая являлась отражением ходивших в обществе слухов относительно предполагавшихся преобразований. Известно, как эмоционально знаменитый историк и писатель протестовал против возможности ограничения «спасительной царской власти», разделения в России властей⁹. Более того, доступ к документам Сперанского получили отдельные должностные лица, некоторым из них удалось снять копии с этих документов. Например, ознакомился с бумагами Сперанского будущий декабрист Н.И. Тургенев, занимавший видный пост в Государственном совете. В списках было известно и «Пермское письмо», в котором излагались обстоятельства появления «Введения». Таким образом, конституционные намерения Александра I становились предметом частных разговоров в среде образованной элиты, но официально проект 1809 г. как бы не существовал, поэтому и не мог стать в России предметом гласного обсуждения.

В иных условиях находились немногочисленные тогда представители политической эмиграции. Н.И. Тургенев, являвшийся одним из ее видных представителей, опубликовал в 1847 г. на французском языке книгу «Россия и русские», к которой среди прочих политических документов были приложены «Пермское письмо» Сперанского и «экстракты» (извлечения) из его конституционного проекта¹⁰. Последние документы были озаглавлены Тургеньевым как «Введение в проект конституционного устройства государства» и «Проект конституционного устройства государства». Публикатор указывал, что стремил-

⁹ «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга... Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей махине производить единство действий?» (*Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении.* М., 1991. С. 48).

¹⁰ *Tourgueneff N. Le Russie et les Russes.* Т. I—III. P., 1847. Полный русский перевод книги: *Тургенев Н. Россия и русские.* М., 2001.

ся дать общее представление о труде Сперанского, поэтому «извлек» только его наиболее общие положения. В течение нескольких десятилетий именно публикация Тургенева использовалась исследователями для изучения «Введения». Впоследствии выяснилось, что представленный Тургеневым вариант конституционного проекта значительно отличался от аутентичного текста, являлся компиляцией, соединившей несколько связанных со Сперанским документов, составленных в период с 1802 по 1809 г.¹¹ В результате первые исследователи проблемы получили искаженное представление о подлинном содержании «Плана»¹².

Научная разработка проблемы стала возможна только после крушения николаевского режима, когда не только заметно ослабли цензурные ограничения, но и стремительно вырос научный и общественный интерес к вопросу. Настоящим пионером в изучении государственной деятельности Сперанского стал барон (позже граф) М.А. Корф. По широте использования источников, критическому их осмыслению, литературным достоинствам монография Корфа стала событием в отечественной историографии. По причине не только цензуры, но и самоцензуры исследователь, являвшийся видным сановником Николая I, был вынужден ограничиться только указанием на само существование конституционного проекта и его самой общей оценкой. «Колоссален был этот план, исполненный смелости как по основной своей идее, так и в подробностях

¹¹Тургенев видел некоторые противоречия в опубликованных им документах, но посчитал их малозначительными.

¹²Более адекватное представление о «Введении» историки смогли получить только в 1877 г., когда в Императорскую публичную библиотеку поступили бумаги К.Г. Репинского, долгое время являвшегося личным секретарем Сперанского. Среди этих бумаг был и черновик конституционного проекта 1809 г. Попытка немедленно опубликовать его оказалась неудачной, но исследователи получили возможность ознакомиться с ним, работая в фондах Публичной библиотеки. Первым к документу обратился историк-юрист В.И. Сергеевич, который призвал полностью опубликовать проект 1809 г. как памятник государственной мудрости Александра I, его великодушного доверия и любви к подданным. Но опубликовать его удалось только в 1899 г. благодаря усилиям В.И. Семевского. Еще один вариант «Введения» был обнаружен в фонде секретного Комитета 6 декабря 1826 г. В.Г. Щегловым, но он не придал этому должного значения. Между тем, позже советский исследователь С.Н. Валк выяснил, что это и был давно искомый историками окончательный вариант проекта, представленный на рассмотрение Александру I. В результате историки долгое время не могли идентифицировать окончательный вариант проекта, сохраняли надежду обнаружить данный вариант, где могли быть исправлены многие очевидные технические недостатки известных историкам редакций «Плана».

развития», — писал он, признавая одновременно его несвоевременным, несоответствующим уровню развития страны¹³.

Талантливая монография Корфа привлекла внимание к деятельности Сперанского историков и публицистов, которые стали широко использовать помещенные в ней документальные материалы, но на сам конституционный проект продолжало сохраняться «табу». Отклики на книгу Корфа были различными. Кто-то отзывался о ней с восторгом, другие критиковали, причем критика естественно была обращена главным образом на пропуски и умолчания в монографии.

Первым достаточно подробный анализ содержания «Введения» дал, используя публикацию Тургенева, А.Н. Пыпин¹⁴. Наряду с масштабностью плана историк видел в нем и другие сильные стороны. К таковым он отнес смелость, с которой автор излагал свои взгляды, что было в начале XIX в. необычно, учитывая традиционную боязнь свободного выражения своих мыслей.

Корф и Пыпин наметили два направления исследований «Введения», которые условно можно обозначить как «позитивное», лояльное в отношении Сперанского и его труда, и «критическое». Данные направления стали традиционными для историографии, поставленные ими проблемы в общих чертах сохраняются до настоящего времени. Проект 1809 г. относился к той категории документов, при анализе которых не могут не сказываться политические симпатии исследователя. Поэтому к первому направлению обычно принадлежали приверженцы «передовых» либеральных взглядов, ко второму — консерваторы. Представители «позитивного» направления (М.В. Довнар-Запольский, А.А. Кизеветтер, С.Г. Сватиков, В.И. Семевский, А.Н. Фатеев, С.Н. Южаков и др.) высоко ставили содержание проекта, считали его конституционным, а намерения Сперанского искренними. Напротив, для исследователей «критического» направления (М.И. Богданович, Б.Б. Глинский М.П. Погодин, А.В. Романович-Славатинский, С.М. Середонин, Н.К. Шильдер и др.) характерно более скептическое отношение к качеству проекта. Одновременно ими отрицалось конституционное содержание «Введения», или наличие такового приписывалось не Сперанскому, а императору Александру I, мысли которого и были оформлены в проекте. Грань между данными историографическими направлениями на практике является зыбкой

¹³См.: *Корф М.* Жизнь графа Сперанского: В 2 т. СПб., 1861. Т. 1. С. 110.

¹⁴См.: *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.

и условной. Крайние оценки «Плана» в научной литературе встречались и встречаются редко, большинство исследователей сочетали критику одних его положений с положительной оценкой других. Технические недостатки плана были настолько очевидны, что их вынуждены признать все серьезные исследователи. Поэтому на деле отнесение конкретной работы к одному из отмеченных историографических направлений может быть затруднительно, многие из них принадлежали к «среднему» направлению. Таковой, например, является монография А.Э. Нольде, ставшая итоговой для дореволюционной историографии¹⁵. Естественно, наиболее скептически отнеслись к содержанию «Введения» историки критического направления, среди которых по обстоятельности анализа выделялся Середонин. Он полагал, что «План» «сшит из лоскутков», а для практической реализации его положений потребовались бы десятилетия упорного труда¹⁶.

Но и лояльные Сперанскому историки вынуждены были признать такие недостатки «Плана», как неравенство заявленных политических прав различных слоев населения, их сложную иерархию, ограниченность прав Государственной думы, отсутствие указания на срок полномочий ее депутатов (Кизеветтер); отсутствие указания на характер избирательного права (тайное или открытое), плохую разработку порядка функционирования Думы (Довнар-Запольский); недостаточно четкое разделение закона и административного распоряжения и указание на порядок ответственности министров (Корнилов) и т.д. Однако данные исследователи, признавая несовершенства «Плана», оправдывали их. Они указывали на обстоятельства эпохи, на отсутствие в России опыта конституционного законодательства, на необходимость учитывать настроения Александра I, который был заказчиком проекта. Наконец, они напоминали, что «Введение» было именно введением к плану государственного преобразования (Уложению государственных законов), его концепцией, которую позже предполагалось детализировать. Высказывалось предположение, что план предполагалось внести в открывавшийся Государственный совет. При всех своих недостатках, настаивал Семевский, проект был основательно продуман, логично построен и представлял *для своего времени* (выделено Семевским. — С.П.) замечательный документ. Именно с позиций того времени, а не совре-

¹⁵ См.: Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М., 2004.

¹⁶ Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909. С. 14.

менных историк и призвал судить о проекте, напомнив, что в итоге документ оказался излишне радикальным для правящих кругов¹⁷.

Критическое отношение к «Введению» усилилось в период революции 1905—1907 гг. и послереволюционные годы. Это было связано с эскалацией политических требований многих представителей либеральной оппозиции. Для большинства либеральных историков предшествующего времени план Сперанского был смелым, не потерявшим актуальности с точки зрения «реальной политики» документом. Для решительно настроенных представителей оппозиции начала XX в., переживших политический ажиотаж 1905 г., ставших свидетелями появления Государственной думы, способ формирования которой и масштаб полномочий напоминал предложения Сперанского (само название первого российского парламента было заимствовано у него), «Введение» было глубоко консервативным документом, критикуя который, они критиковали современную им политическую действительность. Причиной усиления скепсиса в отношении «Плана» стало и формирование революционно-демократического направления историографии. Согласно известной мысли о сближении крайностей, левые «иконоборцы» примкнули к консервативным «скептикам». Политическая заданность подобных работ не могла не сказаться на их научном уровне.

Видным представителем подобной историографии был марксист М.Н. Покровский. Оценивая содержание «Введения», историк разделил его теоретическую часть, отличавшуюся большим радикализмом, и практические предложения по реформированию государственного строя, которые вытекали не столько из заявленных во «Введении» идей, сколько из практических потребностей правительства. Доказывая это, автор пошел при этом на «логический подлог». Приписав автору «Введения» теоретическое намерение ввести в России парламентскую монархию, Покровский затем убедительно доказал несоответствие данному намерению практических предложений плана¹⁸.

Одной из центральных проблем развернувшейся вокруг «Введения» полемики был вопрос о политико-юридическом смысле данного проекта, о степени ограничения власти монарха, которую он предусматривал. Иначе говоря, вопрос стоял

¹⁷См.: *Семевский В.И.* Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // *Отечественная война и русское общество.* М., 1911. Т. 2. С. 180.

¹⁸См.: *Покровский М.Н.* Александр I // *История России в XIX в.* Т. 1. СПб., Б/г. С. 51.

о том, являлся ли проект действительной конституцией или мнимой? За некоторыми исключениями, историки, принадлежавшие к «позитивному» направлению, склонялись к положительному ответу на него, многие сторонники «критического» направления — к отрицательному.

Конституционный характер «Введения» категорически отстаивал Пыпин. По его мнению, основной целью проекта было утверждение в России конституционного строя, ограничение самодержавия: «Государственная дума должна была иметь значение Законодательного собрания... Никакой новый закон не может быть обнародован без участия Думы»¹⁹. С выводом о законодательном характере проектированной Государственной думы соглашались осторожный в своих выводах Щеглов, оговаривая, что делает вывод на основе материалов Тургенева, а не Репинского²⁰. Решительно настаивал на конституционном характере плана Сватиков. Он полагал, что документ, безусловно, ограничивал самодержавную власть, так как «уважение закона», которое автор расшифровывает как право не только рассматривать, но и принимать, одобрять законопроект, — принадлежало законодательному учреждению, за монархом же закреплялось право утверждения его²¹. Также смотрел на проблему Семевский²². Развернутую характеристику политико-юридического содержания «Введения» дал Кизеветтер. Он полагал, что документ предполагал «независимость законодательной власти от исполнительной, независимость суда от администрации, ответственность исполнительной власти перед законодательной палатой, т.е. настоящее разделение властей, с предоставлением каждой из них некоторой доли политической самостоятельности»²³. При этом историк видел близость взглядов Сперанского либерализму Б. Константа, который опасался проникновения в парламент малоимущих слоев населения. Кизеветтер подробно пересказал содержание «Введения», признав Государственную думу законодательным, а не законосовещательным учреждением. Аналогичным было мнение Завитневича²⁴. По его мнению, этот вывод вытекал из все-

¹⁹ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 156—157.

²⁰ См.: Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. Ярославль, 1892. Т. 1. С. 851.

²¹ См.: Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700—1895). Ростов н/Д, 1905. С. 110.

²² См.: Семевский В.И. Указ. соч. С. 181.

²³ Кизеветтер А.А. История России в XIX в. Литографированный курс. Ч. 1. М., 1910. С. 61—62.

²⁴ См.: Завитневич В.З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907. С. 25.

го пафоса работы Сперанского, всегда выступавшего за твердые законы, которые не могли быть уничтожены самовластием. С этой оценкой был согласен и Корнилов. Остановившись на двух указанных Сперанским возможных вариантах конституции (фиктивной и реальной), он полагал, что симпатии автора проекта были явно на стороне второго: «Вопрос... был поставлен так прямо и ясно, что Александру прегражден был путь ко всяким мечтательным неопределенностям и приходилось серьезно выбирать одно из двух, причем первая система была заранее опорочена»²⁵. Признали за Государственной думой законодательный характер юристы Н.М. Лазаревский и А.Н. Филиппов²⁶.

Историки критического направления были в своих выводах менее определены. Они или уклонялись от юридической оценки документа, или, признавая конституционный характер проекта, отрицали за Сперанским искренность конституционных намерений. Неуверенность в оценке политических прав «высшего представительного учреждения» продемонстрировал юрист Н.О. Куплеваский. Это законодательное или, может быть, законообсуждающее учреждение, писал он²⁷. Неопределенность формулировки автор оправдывал недостаточностью информации о «Плане», который к моменту написания книги еще не был опубликован полностью. Более категоричен в своих выводах был Середонин, полагавший, что думать о возможности быстрой реализации столь грандиозного проекта мог только «или ослепленный фанатик, или человек, находившийся в состоянии самогипноза»²⁸. Но он не считал Сперанского таковым, поэтому радикализм и одновременно небрежность плана объяснил иначе. Составляя план, реформатор просто уступал настоянию императора, но не мог не указать ему на величайшие затруднения, которые вызовут данные намерения. После этого, предполагал Середонин, должны были последовать значительные изменения плана, реформы ограничились бы сферой центральных административных учреждений, а самодержавная власть *пока* (выделено Середониным. — *С.П.*) была бы сохранена. Критически оценил «Введение» и М. Бородкин, на-

²⁵ Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 86.

²⁶ См.: Лазаревский Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1913. 3-е изд. С. 176; Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1914. С. 622.

²⁷ См.: Куплеваский Н.О. Русское государственное право. Харьков, 1896. Т. 2. С. 34.

²⁸ Середонин С.М. Указ. соч. С. 31.

званный его автора «модным беспочвенным мечтателем, неискренним конституционалистом». Особенно интересна последняя характеристика. Разбирая план 1809 г., Бородкин признал его конституционный характер. Но, сделав этот категорический вывод, он заподозрил Сперанского в неискренности, в попытке угодить государю, «подделаться под модный тон». В своей критике Сперанского, которая была во многом основана на неверном прочтении источников, автор пошел дальше. Ссылаясь на ошибочную информацию Шильдера, Бородкин поставил под сомнение действительность намерения Сперанского ограничить самодержавие. «Если в его проектах находились конституционные формы, то только формы, т.е. внешний вид ограничения, декорация представительного образа правления, но не “внутреннее” и не фактическое ограничение. Эта форма конституции, вся внешняя обстановка представительного правления, весь декорум ограничения власти нравилась императору Александру I, но действительного стеснения или умаления своих державных прав он не допустил ни в России, ни в Финляндии, ни в Польше»²⁹. Иначе говоря, исследователь полагал, что намерениями Сперанского заключались в реализации не конституционного, а лжеконституционного проекта.

К критикам Сперанского из консервативного лагеря прикнули радикальные либералы и демократы. Так, весьма критично отнесся к «Введению» В.Н. Сторожев. Обоснование Сперанским готовности России к восприятию конституционного строя он, как и Бородкин, считает надуманными и отвлеченным, игнорирующим социально-экономический контекст намеченных преобразований. «О какой конституционной монархии может идти речь, — вопрошал историк, — раз не поставлен ребром вопрос о немедленном крестьянском освобождении? Автор не замечал этих тисков дворянства и бюрократии, в которых была сжата верховная власть»³⁰. Историк предполагает, что сам Сперанский сознавал нелепость данной попытки, но вынужден был считаться с мнением «заказчика»-императора.

Советская историография стремилась к новой концептуальной оценке «Введения», но на деле не смогла внести ничего принципиально нового в собственно политико-юридический

²⁹ Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 232

³⁰ Сторожев В.Н. Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. М., 1994. Т. 5. С. 166.

анализ документа. На практике в историографии продолжали сохраняться два ее традиционных направления. Изменения заключались в том, что преобладание положительных оценок «Введения» сменилось доминированием критических мнений о нем. Большинство советских историков примкнули к «критическому» направлению предшествующей историографии. Скептически к труду Сперанского отнесся М.Н. Покровский, ставший после Октябрьской революции во главе формирующейся советской исторической науки. В новых условиях он еще более «заострил» свои взгляды, сделал их откровенно полемическими. Впрочем, увлеченный созданной им теорией «торгового капитализма», он больше интересовался построением социологических схем, чем кропотливым юридическим анализом «Введения». Покровский признал за Думой законодательные функции, но подчеркнул, что в законодательстве она участвовала наряду с императором, а полномочия ее очерчены достаточно узко³¹. Не проявил большого интереса к содержанию «Введения» Н.А. Рожков, который на проблему смотрел глазами Покровского. Он ограничился констатацией законодательного характера Государственной думы и многоступенчатости выборов, в которых участвовали «землевладельцы средние и крупные и крупные фабриканты»³².

Первые представители советской исторической науки, начинавшие свою научную деятельность до революции, могли ошибаться в своих выводах, но не были узкими догматиками, стремились к построению на основе марксистской методологии собственных теорий исторического процесса. Однако постепенно произошло усиление догматизации науки. Руководящим началом для советской историографии проекта 1809 г. надолго стало мнение В.И. Ленина относительно того, что «представительное собрание, существующее рядом с монархической властью, на деле, пока эта власть остается в руках монархии, является совещательным собранием, которое не подчиняет волю монарха воле народа, а лишь согласует волю народа с волей монарха...»³³.

Усиление идеологизации исторической науки отразилось в статье И. Барера. Критикуя Александра I, который, по его мнению, никогда не был искренним реформатором, но толь-

³¹ См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избр. произв. в четырех книгах. М., 1965. Кн. 2. С. 215.

³² Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. Л.; М., 1928. Т. 7. С. 120.

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 275.

ко делал «либеральные жесты», советский историк, напротив, считал Сперанского одним из первых идеологов нарождавшейся буржуазии, стремившегося преобразовать государственный и общественный строй России по образцу буржуазной Франции, ликвидировать не только абсолютизм, но и произвол бюрократии, крепостное право³⁴.

Но существовало и другое направление в советской историографии. Его представляли те историки, которые соблюдая неизбежные идеологические формальности, не стремились быть «святее папы», внутренне, видимо, не принимали набирающую силу тенденцию к догматизации исторической науки, продолжали считать себя учеными, а не политическими пропагандистами. Открыто не заявляя об этом, они генетически были связаны если не с «позитивным» направлением дореволюционной историографии, которое теперь стало трактоваться как буржуазно-либеральное, то со «средним».

Основоположником данного направления советской историографии стал А.Е. Пресняков, который по своей биографии и методологическим принципам принадлежал к дореволюционной историографии. Скептически относясь к практической применимости основных положений «Плана», он считал его не законченной работой, но изложением «принципов» русской конституции. Общая идея плана заключалась, по его мнению, в стремлении «наметить конституционный порядок управления на началах разделения властей..., признать за всем населением гарантированные ему гражданские права, а за его землевладельческими и городскими буржуазными элементами — прав политических, осуществляемых в форме участия их выборных в центральном и местном управлении»³⁵. Недоработанность проекта историк объяснял намерением Сперанского вернуться к нему после завершения работы над сводом законов, после чего и должна была встать задача установления в России такого порядка, который бы обеспечил торжество законности.

К данному «оттенку» советской историографии 1920—1930-х гг. принадлежал Б.И. Сыромятников³⁶. Видимо, не является простым совпадением, что и он начал свою научную деятельность

³⁴ См.: *Барер И.* Сперанский и его реформы // Исторический журнал. 1938. № 8. С. 65—74.

³⁵ *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 181. Очерк об Александре I вышел в 1924 г. отдельным изданием.

³⁶ См.: *Сыромятников Б.* М.М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Сов. государство и право. 1940. № 3.

еще в дореволюционный период, поэтому, думается, не без труда мог приспособиться к утверждавшейся методике написания исторических трудов на основе застывших идеологических схем и штампов. Его приуроченная к столетию со дня смерти Сперанского статья, написанная в крайне тяжелую для научного творчества эпоху, заметно выделялась на общем фоне исторической литературы того времени. Автор считал Сперанского искренним сторонником конституционной монархии, который первоначально вынужден был маскировать свои взгляды, получив возможность более свободно высказать их во «Введении», но и в данном случае реформатор был несколько связан официальным характером документа.

Таким образом, в первый период существования советской власти проблема продолжала разрабатываться историками, многие из которых были органически связаны с дореволюционной историографией. Идеологический режим заостренел не сразу, сохранялся относительный плюрализм мнений. Но постепенно интерес к конституционному проекту 1809 г. среди советских историков стал угасать. Причина, конечно, заключалась не только в недостаточной изученности вопроса в дореволюционной историографии, но и в усиливавшихся идеологических ограничениях. Проблема конституционализма и законности как принципов, отличающих «правильный» государственный строй от деспотизма, была очень уязвима и политически, и идеологически.

Не внесло изменений в исследование проблемы осуждение в конце 1930-х гг. «школы Покровского». Высказывая несогласие с действительно спорным мнением Покровского о Сперанском как о буржуазном революционере, его критики слишком резко «переложили руль». Теперь следовало подчеркивать ограниченность и половинчатость «Плана», в чем советские историки еще более сблизилась с некоторыми представителями дореволюционной «критической» (консервативной) историографии. «За блестящим конституционным фасадом, — писал Н.М. Дружинин, — Сперанский сохраняет старые знакомые институты: сословную иерархию, социальные и политические привилегии дворянства, феодальную зависимость крестьян от землевладельца, почти неограниченную власть императора (выделено мною — С.П.)»³⁷. Поэтому Дружинин отказался счи-

³⁷ Дружинин Н.М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939.

тать конституционный проект последовательным буржуазным документом. «В 1801—1820 гг. русское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя», — заключал он в более поздней работе³⁸.

С конца 1930-х и до середины 1950-х гг. историография правительственного конституционализма начала XIX в. ограничивалась преимущественно оценками в учебной литературе, издание которой возобновилось в связи с воссозданием преподавания истории как самостоятельной научной дисциплины³⁹. Несмотря на привлечение к их написанию виднейших представителей советской исторической науки, многие из которых получили образование еще в дореволюционных гимназиях и университетах, самостоятельного научного значения они не имели. Их авторы, основываясь на высказываниях Ленина, подчеркивали лицемерный характер либерализма Александра I, но с некоторой симпатией относились к Сперанскому, который был искренним сторонником «правильной», т.е. конституционной монархии, но до 1809 г. вынужден был маскировать свои взгляды. Его план трактовался осторожно — «это была робкая прогрессивная мера»⁴⁰.

«Оттепель», последовавшая за смертью И.В. Сталина и XX съездом КПСС, по своему воздействию на историографию походила на ту «оттепель», которая была связана со смертью Николая I и начавшимися Великими реформами. Впрочем, имелись и различия. Советские историки до самой перестройки не обладали той степенью свободы, которой пользовались историки второй половины XIX — начала XX в. Поэтому значительное число появившихся в последний период существования советской власти исследований данной проблемы относилось или к «критическому», или к «среднему» направлению историографии. Отойдя от догматических крайностей, они не смогли или не могли освободиться от научного догматизма полностью.

Такое впечатление производит монография А.В. Предтеченского. Автор критически отнесся к предложенному Сперан-

³⁸ Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 457.

³⁹ См.: Окунь С.Б. История СССР. 1796—1856. Вып. 1. Л., 1939; История СССР. Т. 2 / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1940; История СССР. Т. 1 / Под ред. В.И. Пичеты, Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941; Бурджалов Э.Н. История СССР (первая четверть XIX в.): Лекции 32—37. М., 1946; Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. Т. 1. М., 1949.

⁴⁰ История СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1940. Т. 2. С. 36.

ским новому законодательному процессу, упрекает реформатора за его недоверие к будущему законодательному учреждению. Хотя он признавал, что Государственной думе была предоставлена достаточно хорошая компетенция. Отмечая в плане многочисленные пробелы, исследователь все-таки пришел к выводу, что «по своей социально-политической направленности “План” является конституцией, открывающей перед феодально-крепостническим государством возможность буржуазной эволюции»⁴¹.

Традиции «критической школы» продолжил В.А. Калягин, но его выводы нельзя признать достаточно обоснованными. Калягин почему-то посчитал наиболее распространенным в историографии взгляд на Государственную думу как на полноценный законодательный орган, которому было предоставлено право законодательной инициативы. Придя к этому спорному выводу, автор стал доказывать, что «законодательным органом Государственная дума Сперанского названа быть не может, поскольку наделять ее реальной властью реформатор не предполагал», она являлась «законосовещательным учреждением»⁴². Для подтверждения своего взгляда Калягин прямо сослался на известное нам мнение Ленина.

Но решительная критика «Плана» уже не преобладала в советской историографии, в которой все более набирали силу его позитивные оценки. Это проявилось в монографии Н.В. Минаевой. Автор не подвергла проект 1809 г. детальному политико-юридическому анализу, но сделала некоторые важные замечания. Она полагает, что «весь смысл буржуазной по своей сущности реформы Сперанского заключен в стремлении провести через самодержавное правительство незаметно или с наименьшим риском быть непринятой идею представительного правления». Минаева обратила внимание на подробную разработку в «Плане» системы местного управления, полагая, что в его организации Сперанский более полно, чем при разработке центрального управления, стремился высказать свои истинные политические замыслы, создать представительное правление, основанное на разделении властей. «Все сказанное о Сперанском, — делала вывод Минаева, — свидетельствует о глубине преобразовательных планов русского реформатора, которую

⁴¹ *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 257—258.

⁴² *Калягин В.А.* Политические взгляды М.М. Сперанского. Саратов, 1973. С. 41, 44.

он тщательно замаскировал, наивно полагая ввести в заблуждение императора»⁴³.

Современный период исследований «Введения» открыла начавшаяся в середине восьмидесятых годов перестройка. Она благоприятно повлияла на исследования конституционной истории России, соединив два благоприятствовавших этому условия: впервые возникла возможность действительно объективно исследовать конституционные проекты, и одновременно появился общественный запрос на данную проблематику. Россия вновь приступала к радикальным политическим реформам либеральной направленности, поэтому интерес к предшествующему реформаторскому опыту был закономерен. В определенной мере были воспроизведены условия существования историографии начала XX в. Были воспроизведены и доминировавшие до 1917 г. историографические направления. На практике, как это было и до революции, конкретные работы могли относиться к «среднему» направлению, соединяя положительные оценки отдельных положений «Введения» с критикой других. Негативной стороной работ этого времени стал их публицистический и популярный характер. Авторы спешили высказать свою толчку зрения, часто в ущерб глубине и действительной новизне исторического исследования. К тому же главное внимание было обращено на связанные с «Введением» общеполитические проблемы, юридический же анализ документа интересовал немногих исследователей.

Первым представителем современной «позитивной» историографии следует считать Н.Я. Эйдельмана. Он дал общую оценку «Введения» как интересного проекта «революции сверху». Не вдаваясь в подробности плана, Эйдельман так описал предполагавшийся законодательный порядок: «Император и предлагает законы, и окончательно их утверждает; однако ни один закон не имеет силы без рассмотрения в Государственной думе»⁴⁴. Соглашаясь с недостатками проекта, умеренностью предполагавшихся преобразований, Эйдельман все-таки признал его огромным шагом вперед в политической истории страны. К этому же направлению относится монография С.В. Мироненко⁴⁵. Наиболее откровенно свои симпатии к деятельности Сперанского продемонстрировал С.А. Чибиряев, работа которого является скорее публицистическим произведе-

⁴³ Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 128, 131.

⁴⁴ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 82.

⁴⁵ См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

нием, апологией личности и деятельности «великого русского реформатора»⁴⁶. Очевидные противоречия и неясности, которые присущи запискам и проектам Сперанского, автор объяснил внутренней самоцензурой, необходимостью считаться с характером императора. Либерально-апологетическое направление историографии представляет также работа С.В. Кодана⁴⁷.

Оригинальную оценку «Введения» попытался дать В.И. Морозов. Реконструируя закрепленную в нем концепцию государственного управления, автор посчитал, что реальные намерения Сперанского не соответствовали формально заявленной схеме. На деле реформатор якобы стремился придать Думе по возможности независимое от монарха существование, поэтому взаимоотношение императора и Государственной думы мыслились Сперанскому не как вертикальные, а как горизонтальные, так как только совместным действием этих органов мог быть установлен закон. В этой системе власти, полагал Морозов, не было верховной власти, «в реальные планы Сперанского входило установление в России ограниченной монархии, причем в ее парламентской разновидности»⁴⁸. Противоречивой представляется позиция новейшего исследователя проблемы С.В. Осипенко. Первоначально она полагала, что «для умеренного либерального конституционализма России, к представителям которого можно отнести и Сперанского, наиболее значимой стала не французская республиканская модель правового государства, не английская модель парламентской монархии, а германская модель конституционной монархии с сильно выраженным монархическим принципом», но позже сблизилась с позицией Морозова, с его схемой системы властей⁴⁹.

На фоне ставших вновь преобладать «позитивных» оценок «Введения», не исчезли и негативные, соединявшие подходы не только дореволюционных, но и советских критиков правительственного конституционализма эпохи Александра I. В публицистической форме с критикой Сперанского выступила Г. Макеева⁵⁰. Ее книга является памфлетом против «чиновнического

⁴⁶ *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1993. С. 45.

⁴⁷ См.: *Кодан С.В.* Божьей милостью чиновник. М.М. Сперанский и Российское государство. Екатеринбург, 2001.

⁴⁸ М.М. Сперанский: Жизнь, творчество, государственная деятельность: Сб. статей. СПб., 2000. С. 87, 91.

⁴⁹ См.: *Осипенко С.В.* Политико-правовые взгляды М.М. Сперанского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2006. № 2. С. 98; *Она же.* Политико-правовое учение М.М. Сперанского. Тверь, 2007.

⁵⁰ См.: *Макеева Г.* Сперанский и другие. Роман о первой русской перестройке. М., 1990.

либерализма», проявления которого автор видела в современной ей перестройке. В категории научных исследований данное направление историографии представляет работа В.А. Федорова. Исследуя поставленную Сперанским дилемму (истинная или ложная конституция), автор считал, что «Введение» предполагало последнюю форму. «Государственная дума хотя и называлась Сперанским “законодательным учреждением”, но по существу это был консультативный, совещательный орган», — писал он⁵¹. Федоров продемонстрировал традиционную слабость гражданских историков в исследовании юридических проблем, — они плохо ориентировались в принципах государственного права, имели смутное представление об исторических формах монархии и представительных учреждений.

Наконец, сохранилось и «среднее» направление историографии, к которому можно отнести труды таких исследователей, как А.Н. Медушевский, А.Н. Сахаров, В.А. Томсинова⁵². Так, В.А. Томсинова, признавая утопизм многих либеральных проектов начала XIX в., с пониманием относится к данным заблуждениям. Напомнив поставленную Сперанским дилемму, автор полагает, что в намерения Сперанского входило создание настоящей конституции. Аргументируя конституционный характер «Введения», историк указывает, что проект предусматривал создание трех коллегиальных органов-сословий, причем Государственной думе вручалась законодательная власть. Самодержавная власть при таком устройстве могла обладать значительными полномочиями, однако это была уже не прежняя абсолютная власть, монарх хоть и утверждал законы, но при этом оговаривалось, что никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы.

Итак, некоторые вопросы, вызвавшие споры еще первых исследователей «Введения», продолжают оставаться дискуссионными и для современных исследователей. Каков же взгляд автора настоящей статьи на политико-юридическое содержание «Введения», если исходить из его окончательного варианта?

Во-первых, автор полагает, что собственные политические взгляды Сперанского трудно определить из-за характера его ос-

⁵¹ Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997. С. 63.

⁵² См.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; Сахаров А.Н. Александр I (К истории жизни и смерти) // Российские самодержцы. М., 1993. С. 14—90; Томсинова В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991 (книга выдержала несколько изданий, ее расширенный вариант был опубликован в серии «Жизнь замечательных людей»).

новых записок, которые, как и «Введение», писались по заказу, причем взгляды заказчиков могли значительно отличаться. «Молодые друзья» императора, составившие в начале его правления негласный комитет, сомневались в возможности немедленного перехода России к конституционному правлению, рассматривали его как конечную цель длинной цепи подготовительных преобразований. Этому взгляду вполне соответствовала записка 1803 г. Напротив, Александр I, несмотря на все колебания и сомнения, большую часть своего правления стремился к учреждению конституционных институтов, что было осуществлено им в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском. Это отразилось в составленном по его заказу «Введении». Однако Сперанский не являлся просто «золотым пером», способным из соображений карьеры блестяще оформить любую мысль любого политического заказчика. По крайней мере, до 1812 г. он придерживался передовых политических взглядов, не мог не симпатизировать конституционным учреждениям. Все составленные им в это время записки и проекты можно идентифицировать как прогрессивные, правы те историки, которые усматривают политические симпатии их автора в той страсти, с которой он всегда осуждал деспотизм и отстаивал необходимость «истинной монархии».

Во-вторых, Государственную думу в окончательном варианте «Введения» следует считать законодательным, а не законосовещательным учреждением. Неопределенное понятие «уважение законов» включало и их обсуждение, и их принятие. Это, например, следует из следующего положения проекта: «Утверждение закона везде принадлежит власти державной, с тем только ограничением, что в Англии и во Франции не может она утвердить закона, большинством голосов не уваженного, а в Англии, сверх того, может не утвердить закона, хотя бы он и всеми был уважен». Ниже, обосновывая необходимость наделения законодательной инициативой исключительно державную власть, автор проекта писал: «И, впрочем, какая польза для нее отлагать предложение закона полезного или предлагать закон вредный? Первым она стеснит только себя в собственных своих деяниях, а второй будет отвергнут в законодательном сословии»⁵³. Еще яснее законодательные полномочия Думы определены в «Кратком начертании государственного образования», в котором Сперанский сделал «выжимку» из «Введения»: «Закон, уваженный в Думе, вносится на высочайшее утверждение.

⁵³ Конституционные проекты в России. XVIII—начало XX в. М., 2000. С. 367.

Закон, признанный большинством голосов неудобным, остается без действия»⁵⁴.

В-третьих, нельзя представлять Сперанского сторонником парламентской монархии. Подобные симпатии не только не вытекают из текста «Введения», но, думается, из внутренних убеждений его автора. Следует помнить, что даже в Англии того времени парламентская монархия только формировалась, постепенно заменяя монархию дуалистическую, идея которой и была заложена во «Введении». Сперанский, человек умный и проницательный, не являвшийся, как писал Середонин, пребывавшим в состоянии самогипноза фанатиком, не только в тексте своих работ никогда не выступал за парламентскую монархию, но и внутренне, полагаю, не мог не понимать невозможность подобного строя в современной ему России. Более того, Сперанский не мог не понимать, что в проектированной им Государственной думе будет представлено почти исключительно поместное дворянство, либерализм которого вызывал большие сомнения. Именно этим, а не просто желанием угодить монарху, объяснялась та осторожность, с которой автор «Введения» наделял правами «законодательное сословие», сообщал ему важное, но второстепенное сравнительно с царской властью государственно-политическое значение. Еще долго либеральные бюрократы будут связывать свои планы реформ, особенно социальных, с сохранением сильной монаршей власти.

Список литературы

Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1847. Ч. 2.

Барер И. Сперанский и его реформы // Исторический журнал. 1938. № 8.

Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.

Бурджалов Э.Н. История СССР (первая четверть XIX в.): Лекции 32—37. М., 1946. Граф П.А. Строганов. Т. 1. СПб., 1903.

Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964.

Дружинин Н.М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939.

Завитневич В.З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907.

История СССР. Т. 1 / Под ред. В.И. Пичеты, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941.

История СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. Т. 1, 2. М., 1940.

⁵⁴ *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 227.

- Калягин В.А.* Политические взгляды М.М. Сперанского. Саратов, 1973.
- Кизеветтер А.А.* История России в XIX в. Литографированный курс. Ч. 1. М., 1910.
- Ключевский В.О.* Новая русская история. Литографированный курс. М., 1884.
- Кодан С.В.* Божьей милостью чиновник. М.М. Сперанский и Российское государство. Екатеринбург, 2001.
- Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000.
- Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1993.
- Корф М.* Жизнь графа Сперанского: В 2 т. Т. 1. СПб., 1861.
- Куплеваский Н.О.* Русское государственное право. Т. 2. Харьков, 1896.
- Лазаревский Н.М.* Русское государственное право. Конституционное право. Т. 1. СПб., 1913.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 10.
- М.М. Сперанский: жизнь, творчество, государственная деятельность: Сб. статей. СПб., 2000.
- Макеева Г.* Сперанский и другие. Роман о первой русской перестройке. М., 1990.
- Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982.
- Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
- Нольде А.Э.* М.М. Сперанский. Биография. М., 2004.
- Окунь С.Б.* История СССР. Вып. 1. 1796—1856. Л., 1939.
- Осипенко С.В.* Политико-правовое учение М.М. Сперанского. Тверь, 2007.
- Осипенко С.В.* Политико-правовые взгляды М.М. Сперанского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2006. № 2.
- Погодин М.П.* Начертания русской истории. М., 1837.
- Покровский М.Н.* Александр I // История России в XIX в. Т. 1. СПб., б/г.
- Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избр. произв. в 4 книгах. Кн. 2. М., 1965.
- Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957.
- Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990.
- Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.
- Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. 2 изд. Т. 7. Л.; М., 1928.
- Сахаров А.Н.* Александр I (К истории жизни и смерти) // Российские самодержцы. М., 1993.
- Сватиков С.Г.* Общественное движение в России (1700—1895). Ростов н/Д, 1905.
- Семевский В.И.* Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. Т. 2. М., 1911.
- Середонин С.М.* Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.
- Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961.
- Сторожев В.Н.* Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 5. М., 1994.

- Сыромятников Б.* М.М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Сов. государство и право. 1940. № 3.
- Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С.* История СССР. Т. 1. М., 1949.
- Томсинова В.А.* Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991.
- Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 в двух частях. Петрозаводск, 1997.
- Федоров В.А.* М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.
- Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1914.
- Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1993.
- Щеглов В.Г.* Государственный совет в России в особенности в царствование императора Александра Первого. Т. 1. Ярославль, 1892.
- Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.
- Tourgueneff N.* Le Russie et les Russes. Т. I—III. P., 1847.